

Проект издательского дома "Аннa"
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДАГЕСТАН

ПОЭТИЧЕСКИЙ
КАЛЕЙДОСКОП
XIX в.

2022

Литературный Дагестан

Коллектив авторов

Поэтический калейдоскоп XIX в.

«Эпоха»

2007

авторов К.

Поэтический калейдоскоп XIX в. / К. авторов — «Эпоха»,
2007 — (Литературный Дагестан)

В сборник вошли стихи наиболее популярных дагестанских поэтов XIX века,
которых объединяет тема свободолюбия.

Содержание

Поэзия высокого накала	6
Анхил Марин	7
Приди, ясноокий...	8
Чтоб тебя поразила стрела	10
Эльдарилав из Ругуджа	11
Сон	12
Смерть поэта	14
Чанка (Тажутдин)	19
«Когда б за стройность награждал невест...»	20
Гулишат	21
Записка к любимой	24
Любимая Далгата	25
Имя твое	29
Подняться бы мне в гору	30
Шумайсат из Каха	33
«О яркая птичка, при встрече хоть раз...»	35
Разговор влюбленных на свидании	36
Араканинка	39
Склони свою голову мне на плечо ты	42
Сайгидул Батала	46
Заточенная в башне	49
Бигун	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Поэтический калейдоскоп XIX в.

© Издательский дом «Эпоха», 2007

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Поэзия высокого накала

Насколько значимой, значительной, судьбоносной для народов Дагестана, для их истории была первая половина XIX века, настолько же определяющей для духовной жизни страны была его вторая половина.

...Разрушенная, разоренная, опустошенная полувековой неравной войной за свою свободу, независимость, за право жить по своим внутренним законам, потерявшая в кровопролитных сражениях половину своего населения страна приступила к мирной, созидательной жизни.

Вместе с этим оживилась духовная жизнь дагестанского народа. Загнанные и затаенные в глубинах души в трагические годы войны чувства и переживания вылились наружу, снесли политику запрета, молчания и разлились на широких просторах. На арену духовной жизни спонтанно, мощно, почти одновременно вышла прекрасная плеяда лирических поэтов, выразившая надежды, чаяния, ожидания народа. География их творчества охватывала весь Дагестан.

Поэтов было много и разных, каждый из них был яркой, самобытной творческой индивидуальной личностью. Мы с благодарностью произносим их имена: Анхил Марин, Эльдарилав из Ругуджа, Али-Гаджи из Инхо, Чанка из Батлаича, Махмуд из Кахабросо, Омарла Батырай, Мунги Ахмед, Сукур Курбан, Ирчи Казак, Гасан Гузунов, Патимат из Кумуха, Маллей из Балхара, Щаза из Куркли, Саид из Кочхюра, Етим Эмин, Мирза из Калука.

С чем из явлений современной культуры их можно сравнить?

Поэты-лирики XIX века были разносторонне одаренными художниками. Многие из них сами слагали тексты песен, сами перелагали их на музыку, сами их исполняли, т. е. они были бардами в истинном смысле этого слова. Сродни они были и по своему бунтарскому духу, свободолюбию. Поэты-лирики поддерживали дух завоеванного, но непокоренного народа, воспевали мужество, отвагу, стойкость, право человека на земную жизнь и на ее радости, на право чувствовать себя независимой личностью, способной проявлять все богатство своей души. Они утверждали в человеке чувства чести и достоинства, что особенно важно для духовного здоровья современного общества.

Лирические поэты XIX века создали школу подлинной высокой поэзии, которая до сих пор остается непревзойденной вершиной, ориентиром для последующих поколений поэтов.

Сиражудин ХАЙБУЛЛАЕВ

Анхил Марин **(1840–1917)**

Анхил Марин родилась в с. Ругуджа (ныне Гунибский район) в бедной семье.

Сетования на несчастную жизнь, мечты о свободе – основные темы в творчестве поэтессы. Тесно связанные с фольклором, песни Анхил Марин были любимы народом. Большая популярность певицы и острая социальная направленность ее песен вызывала недовольство аульской знати. Существует легенда о том, что певице-поэтессе власть имущие зашили рот.

Приди, ясноокий...

Держать все равно мне пред богом ответ.
Приди, ясноокий, и, что б ни случилось,
Сольемся с тобой мы, забыв целый свет,
А после сдадимся разлуке на милость.

Запомним навеки те вешние дни,
Когда мы бросались в объятия друг другу,
И гурии нас окружали одни,
Стремясь оказать нам любую услугу.

Пусть белую грудь мою змеи пронзят,
Что жарко дышала любовью земною,
За то, что был страстным очей моих взгляд,
Пускай их засыпят сырою землею.

Вся горечь кончины лишь мертвым ясна,
Ужель перестала ходить по земле я?
О камень могильный, где надпись видна,
Ужель ты несчастной любви тяжелее?

Ужель осквернится мечеть оттого,
Что я появлюсь в ней, хоть я не святая?
Иль тень упадет от греха моего
На тех, с кем несется ладья золотая?

В богатую сбрую сама облачу
Еще не объезженную полукровку,
Когтистого беркута я научу
С бубенчиком звонким охотиться ловко.

Какие к любимому думы пришли,
Скажи мне, итарку – волшебная птица?
Поведай, орел, проплывая вдали,
Куда в своих мыслях любимый стремится?

Нам, видно, мой сокол, расстаться пора.
Давай предадим наши клятвы забвенью.
Погасим любовь, словно пламя костра,
Базарного люда мы стали мишенью.

На кручи взлечу, поселюсь вдалеке
От пестрых ворон и всезнающих улиц,
На сваях жилище построю в реке,
Чтоб сплетен не слышать кудахчущих куриц.

Шипящие гадины, долго иль нет
Вонзать в мое имя вы будете жала?
Пусть пальцами тычет в меня хоть весь свет,
Пройду не сутулясь: кремневой я стала.

Чтоб тебя поразила стрела

На охоте мне сокол попался в силки,
Провела с этим соколом сладкие дни.
Многих сплетниц чернили меня языки,
Но сегодня иное болтают они.

Сыплет яд мне на сердце безжалостный слух:
Мол, другая у сокола нынче в чести.
Тяжело, словно спину сломали мне вдруг,
И тяжелую кладь заставляют нести.

Гордый сокол мой, пусть тебя ранит стрела,
Сизый голубь мой, пусть тебя пуля сразит.
Грех тебе: ты спалил мое сердце дотла,
Мне с другой изменил – нету горше обид.

Я с тобою доверчивой слишком была,
Из-за этого в сплетнях тону я сейчас.
Постоянства мужского в тебе не нашла,
Человеком считая, ошиблась сто раз.

Хоть, как целый аул, я рассудком сильна,
Не сумела любви своей скрыть, видит бог,
Мир на чести моей не нашел бы пятна,
Ты вошел в мое тело, как в ножны клинок.

Драгоценнейший яхонт, упавший с горы,
Из жемчужного моря коралл дорогой,
Разве сделалась хуже я с этой поры
Иль в красе уступила подруге другой?

Пусть достанется тело мое воронью,
Если раз хоть с другим, как с тобою была!
Ни тебя, ни соперницу я не виню,
Оба счастливы будьте, мне жизнь не мила.

Если правду способна любовь замарать,
То не хватит воды, чтоб влюбленных отмыть,
Если страстью горевших неверными звать,
То с крестом на груди должен каждый ходить.

Эльдарилав из Ругуджа (1847–1884)

Эльдарилав родился в с. Ругуджа (ныне Гунибский район) в семье бедняка.

Эльдарилав – певец любви и женской красоты. В его стихах звучат мотивы социального неравенства.

Сон

Аллах милосердный, всевышний владыка,
Что нынче за чудо привиделось мне.
Не каждому диво такое, поди-ка,
Дается, о боже, увидеть во сне.

Привычно сложив перед грудью ладони,
В молитве тебя я восславил, Аллах,
И вскоре заснул на просторном балконе,
И сон перенес меня прямо в Хунзах.

В чью саклю попал? О, луны озаренье!
Согласно закону, в положенный час,
Хунзахской водой совершив омовенье,
Я, стоя на бурке, читаю намаз.

Вдруг в комнату входит почтеннейший старец
Его борода, словно иней, бела.
А следом – таких я не видел красавиц —
Нарядная девушка в саклю вошла.

«Откуда ты родом?» – спросил старика я.
– «Весь век я в хунзахской живу стороне».
– «А девушка эта кто ж будет такая?»
– «Приходится девушка дочерью мне».

И вышел старик, сединой убеленный,
Оставив нас с девушкой наедине.
И девушку обнял я, страстно влюбленный,
Она отвечала взаимностью мне.

Я чуда такого не видывал, право,
Всех девушек краше она и милей,
Идет, как плывет, – настоящая пава,
А ликом – серебряных денег белей.

Поет ненаглядная, словно касатка,
А пляска ее – что хмельное питье.
И сердце мое замирает так сладко
От смеха, и танцев, и песен ее.

Душою и телом я весь в ее власти,
Пленительны чары ее волшебства.
Мы с нею, пылая, сгораем от страсти,
И кажутся музыкой наши слова...

Проснувшись, глаза протираю невольно,
С тревогой ищу продолжение сна.
Аллах милосердный, мне грустно и больно,
Не вижу я девушки. Где же она?

Горька для обманутых горечь обмана.
Я самый несчастный теперь человек.
Ужели все было проделкой шайтана?
Ах, если бы мог я проспять целый век!

Прости меня, господи, разве я волен
Забить мной целованную во сне?
Как будто я ранен, как будто я болен,
Кто сварит лекарство целебное мне?

Прошу тебя, память, ты сердце не мучай,
От горя и так я почти не живу.
Какой удивительный, сказочный случай:
Влюбился во сне, не забыл наяву.

Зовут на обед, подают ли мне ужин,
Съезжаются ль гости из разных сторон —
Я к пище теперь, как больной, равнодушен,
И долго ко мне не является сон.

Но вот, запоздав, подойдет сновиденье,
И девичьи руки меня обовьют,
Земные достанутся мне наслажденья,
И станут часы быстротечней минут.

А днем я печален, как смертник на плахе,
И девушки не посещают мой дом...

О, если вам быть доведется в Хунзахе,
Запискою ей сообщите о том.

Смерть поэта

Своим соперникам на зависть,
Обрел известность я кругом —
Не потому, что я красавец
Или сльву весельчаком.

А потому, что пел сердечно
Я о любви в своих стихах.
И больше всех меня, конечно,
Ценили девушки в горах.

Я был в аулах наивысших
И в Темир-Хан-Шуре бывал,
Красавиц сказочных на крышах
В нарядах ярких я видал.

Ох, остроклювые чувяки
И дорогие хабало,
Владелиц ваших помнит всякий,
Как вспомнишь – на душе тепло.

Но в Чохе больше, чем где-нибудь,
Красивых видел я невест,
Влюбился там я в дочь наiba
Еще в минувший свой приезд.

И вот, должно же так случиться,
Письмо Мирзоев мне вручил.
Повелевает в Чох явиться
Наиб Инкава Исмаил.

А с ним я был не просто дружен,
Но дружен близко, видит бог,
И, как наiba, я к тому же
Его слушаться не мог.

К Али Амирову я сразу
Пошел, чтоб дал он мне совет,
Мол, должен этому приказу
Я подчиняться или нет?

Почтеннейший из ругуджинцев,
Он был в делах знаток большой,
На чей совет я положиться
Мог со спокойною душой.

Меня он мирно от поездки
Хотел отговорить сперва,
Потом вспылил, и стали резки
На этот счет его слова.

Прислушаться бы мне, но где там!
Все доводы отбросив прочь,
Я пренебрег его советом:
Наиба виделась мне дочь.

Я не испытывал тревоги,
Вооружился и верхом
Пустился в путь, но по дороге
К Хуршилову заехал в дом.

Три дня гуляли мы сначала,
Затем письмо мне дал кунак,
И на углах письма стояла
Печать наиба – важный знак.

Приехал в Чох – и прямо к другу,
Но только сел я на топчан,
Как слышу вдруг: на всю округу
Вблизи ударил барабан.

Зурна откликнулась, и в паре
Пошли вовсю они играть.
Явился тут знакомый парень
И стал на свадьбу приглашать.

«Я не пойду, не жди, мой милый», —
Сказал я, выйдя на балкон,
Но затащить почти что силой
Сумел меня на свадьбу он.

А там уже царит веселье,
На каждом праздничный наряд.
Мужчины пьют хмельное зелье,
И сласти девушки едят.

Гуляют шумно офицеры,
Пируют чохцы-молодцы,
И гордость их не знает меры.
Иль впрямь бессмертны гордецы.

Я встречен ими честь по чести
И обижаться не могу.
Сижу не на последнем месте
Я в их пирующем кругу.

И ту, в ком я души не чаю,
Немало удивившись, вдруг
На плоской крыше замечаю
В кругу судачащих подруг.

Она казалась куропаткой
Среди ворон. И вижу я,
Что знаки подает украдкой
Мне ненаглядная моя.

Но горцы устремили лица
Вдруг на меня. И отчего
Вино так часто стало литься
На дно стакана моего?

Раздались крики: «Спой что-либо...»
Мне песня принесла успех.
Что я воспел в ней дочь наиба,
Все догадались, как на грех!

Одни ушли, покинув праздник,
Другие пить могли три дня.
И офицеры с неприязнью
Теперь смотрели на меня.

Известно: гордцам из Чоха
Я ненавистен был всегда,
А тут и вовсе дело плохо —
Со всех сторон глядит вражда.

На сердце у меня тревожно —
Вокруг соперники одни.
И пить, и есть я осторожно
Стараюсь то же, что они.

Был самовар – урод проклятый —
На край стола поставлен тут.
Гляжу, тревогою объятый,
Мне чашку чая подают.

«Чтоб зазвенел твой голос чудно,
Мол, чашку чая выпей, друг».
Я выпил. Петь мне стало трудно,
И бубен вылетел из рук.

Но подхватил его я снова,
Запел, не свесив головы.
Мол, нарвались не на такого,

Пал духом, думали? Увы!

И, выразив им уваженье,
Папаху сняв, я вышел прочь.
Мне вскоре на краю селенья
Наиба повстречалась дочь.

Она стоит и плачет горько.
И я, не чая в ней души,
Спросил: «О ясная, как зорька.
Кто умер у тебя, скажи?»

Зачем, когда пируют люди,
Покинула, в слезах, гнездо?»
– «Печальней дня уже не будет,
Мне отвечала Меседо. —

В питье твоём была отрава,
Не понял знаков ты моих.
Без жениха осталась пава,
Покинул милую жених.

Испил ты чёрный яд коварства.
Аллаха я молю сейчас,
Чтоб он послал тебе лекарство,
От неминуемой смерти спас.

Всем сердцем я к тебе стремилась,
Теперь печали предаюсь».
– «О, если бог пошлет мне милость,
Я счастья нашего добьюсь.

А коль не избегу могилы,
Свиданье ждёт на небе нас.
Прости, мой дух теряет силы,
Язык немеет первый раз». —

Так отвечал я ненаглядной,
Той, без которой свет не мил,
И, в путь отправившись обратный,
Я в Чохе сердце позабыл.

Я, умирая, молодежи
В свой смертный завещаю час:
Носите траур вы, но все же
Пусть радость не покинет нас.

Душою сокрушаться долго
По всем умершим вам нельзя,

Иначе жизнь пройдет без толка,
Пройдет без радости, друзья.

Нагрянет старость к вам, и будет
Не до веселия тогда.
Цените, молодые люди,
Веселье в юные года.

Все в мире смертны, и, поверьте,
Я мысль о чохцах прочь гоню,
Но знаю, не уйти от смерти
Поставившим мне западню.

Чанка (Тажутдин) **(1866–1909)**

Чанка (Тажутдин) родился в с. Батлаич (ныне Хунзахский район) в бедной крестьянской семье.

Романтически приподнятые стихи поэта, в которых возвеличивается красота горянки, по своему строю близки к фольклорным произведениям. Это способствовало широкому распространению их среди аварцев.

«Когда б за стройность награждал невест...»

Когда б за стройность награждал невест
Правитель, восседающий на троне,
Ты не один уже имела б крест,
Как самый храбрый в русском гарнизоне.

Когда б красою плеч определять
Царь степень чина повелел в указе
И стал в горах погоны нашивать,
Была бы ты сардаром¹ на Кавказе.

Когда б давала к пенсии казна
За красоту высокую надбавку,
Могла бы ты в горах, как ни одна,
Спокойно выходить уже в отставку.

Прославился искусством каллиграф,
Бела его сирийская бумага,
Но ощутил, портрет твой описав,
Несовершенство слов людских, бедняга.

Кто две луны, не скажешь ли ты мне,
Украшив лоб твой, вывел тушью черной?
Течет, переливаясь по спине,
Коса, как речка по долине горной.

Пусть лучше упадет твоя коса,
Сразит тебя позор, подобно грому,
Чем косу расплести, моя краса,
Позволишь ты вздыхателю другому.

Кто не горел в отчаянном огне,
Пусть за любовь не судит нас сурово.
Что ты мертва – услышать легче мне,
Чем знать, что ты в объятиях другого.

¹ Сардар – правитель, наместник.

Гулишат

Пава, слетевшая прямо с небес,
Золотом в Мекке тисненный Коран,
Встретил тебя, и покой мой исчез,
Брошенный на сердце стянута аркан.

Золотокрылая птица, могу ль
Я о тебе позабыть хоть на миг?
Родом, наверное, ты из косуль,
Чистая, будто бы горный родник.

Может, в разгаре любви и тревог
Кистью художника ты создана,
И пожелал очарованный бог,
Чтобы ты к людям сошла с полотна.

Стройных таких не видал до сих пор.
Всякого платья к лицу тебе ткань.
Легкой походке твоей среди гор
Легкая даже завидует лань.

О, как твои совершенны черты,
Жесты изящны и сладостна речь,
Взглядом одним умудряешься ты
Даже кремневое сердце зажечь.

Пусть облака розоваты окрест,
Ярче и краше их – солнечный круг.
Ханша красавиц, царица невест,
Кто же сравнится с тобой из подруг?

Высушить солнце способно родник.
Тропы в горах замедляет зима.
К небу ты мой пригвоздила язык,
И от любви я лишился ума.

Радугу жаждет увидеть любой,
Счастье дарующую в Рамазан².
Может, ее ты повсюду с собой
Носишь за пазухой, как талисман?

Каждый твой пальчик на яхонт похож.
Брови – подобных не видывал мир.

² *Рамазан* – религиозный праздник. У мусульман существует представление, что увидевшему в эти дни радугу на небе бог дарует счастье.

Ножки – точеных таких не найдешь,
Плечи белы, как гергебильский сыр³.

Вечером выйдешь – и сразу светло
Станет на улице нашей, как днем,
Будешь в черкесском ли ты хабало⁴
Или в кумыкском наряде своем.

Облику твой соответствует нрав,
Он совершенства достиг высоты.
Лучшая из удивительных глав
Книги, в Аравии изданной, – ты.

Птичка, из всех сладкозвучных имен
Самое нежное не у тебя ль?
Весел на лапке бубенчика звон.
Что ж ты мою не развеешь печаль?

Ах, куропатка, с вершины холма,
Что от Медины⁵ совсем недалек,
Сжался, прошу, иль не видишь сама,
Что от любви я к тебе изнемог.

Эхом откликнись, – иль сердце свое
Ты поспешила другому отдать?
Будь милосердна, ведь даже зверье
Стало сочувствие мне выражать.

Сном позабудусь – и явишься вновь
Ты, надо мной получившая власть.
Жарким костром разгорелась любовь,
Испепеляющей сделалась страсть.

Груды круглы твои, будто хурма,
Шея лебяжья белей, чем у всех.
Как не схожу по тебе я с ума,
Ты равнодушна, а это ведь грех.

Даже в мечтах я, хоть дерзок и смел,
Дивный твой стан не решался обнять.
К пальцу б губами прильнуть не посмел,
Что на тебя пожелал указать.

Жажду водой утоляешь когда,
Видно становится миру всему,

³ Гергебель – аул.

⁴ Хабало – длинное дорогое платье.

⁵ Медина – «Город пророка» в Аравии. Наряду с Меккой – крупный центр паломничества мусульман.

Как, засверкав, ключевая вода
Льется по горлышку по твоему.

Тень от могилы всем смертным верна,
К этому каждый из смертных привык,
Тени лишь ты не бросаешь одна,
Ясен, как месяц, твой девичий лик.

Ты – словно сказочный желтый платок,
И над тобой, как волшебный павлин,
В небе плывет, помоги ему бог,
Сердце мое возле белых вершин!

Царский чиновник на зверя похож,
Правда, он дочкой красивой богат,
Хоть и красива она, только все ж
Ей до тебя далеко, Гулишат.

Дочери ты офицерской милей,
Разве с тобою сравнится она,
Пусть даже щедрую пенсию ей
Золотом царским платит казна.

Лик твой парного белей молока,
Факела ярче во множество раз.
Перед тобою бы, наверняка,
Даже незрячий прозрел бы тотчас.

Был я в Аксае, в Чечне и в других
Горных местах, но еще до сих пор
Звездных очей не встречал я таких
Даже у царственных девушек гор.

Счастье в любви – не любовь ли сама?
Нищий полюбит и станет богат.
Знаю: сошел от любви я с ума,
Ах, как люблю я тебя, Гулишат!

Записка к любимой

У реки, что несется,
Сгибаясь в дугу,
Я следы твоих ножек
Ищу на песке,
Хоть и знаю о том,
Что с утра на лугу
Косишь с матерью сено
Ты невдалеке.

Я на кручи поднялся,
Что тонут в дыму,
Диким козам пою
О тебе среди гор,
Ты же с мамой своей,
Ах, о чем не пойму,
Целый вечер, голубка,
Ведешь разговор.

К роднику по тропинке
С кувшином спустишь,
Но, как прежде,
Молвы опасаясь людской,
Ты, водой угощая меня,
Отвернись,
Будто нету меж нами
Любви никакой.

Любимая Далгата

Бумага бела, как долина в снегу.
И я, потерявшая в жизни покой,
Письмо тебе это пишу, как могу,
Трепещет от вздохов листок под рукой.

О сокол, сумеют ли эти слова
Смятенье души до тебя донести?
Слеза упадет – загорится трава.
У горькой печали я нынче в чести.

Уж звезды зажглись над вершинами гор,
И лампа моя, как звезда в полутьме.
Я, давешний наш не забыв уговор,
О жизни своей сообщаю в письме.

В чужие края, за седые хребты
Умчался ты, сокол, неверный жених,
Письмо тебе почта доставит, и ты
Прочтешь о любви и страданиях моих.

С тобой, мой любимый, очей моих свет,
Была я, безумная, слишком близка.
Предписанный богом нарушив запрет,
Вдохнула медовую сладость цветка.

Гневится отец мой, как будто гроза,
И денно и ночью корит меня мать,
Не зависть ли сверстницам колет глаза,
А иначе что ж им меня упрекать?

Ты был со мной, сокол, и ласков и смел,
В ночи разжигал меня, словно костер,
Но вот насладился и вдаль улетел,
Отравлена радость моя с этих пор.

Слыхала: в Тифлисе проводишь ты дни,
Красавец, что строен, как будто камыш,
И там, Камалилу Баширу сродни⁶,
Ты ловко невест иноверных когтишь.

Любить до скончания века меня
В любовных записках ты клялся не раз.

⁶ Камалил Башир – сказочный красавец, который по требованию народа был казнен, ибо женщина, увидав его хоть раз, забывала обо всем ради любви Камалила.

Лью слезы я, голову низко клоня,
О, как солонь родники моих глаз!

Затем ли на свет родила меня мать,
Такой, как задумал до этого бог,
Чтоб ты меня, сокол, заставил страдать,
Оставив, как сорванный в поле цветок?

Мне взмыть бы голубкой над кручей седой,
В Тифлис долетела бы ветра быстрей.
Мне б с неба сорваться падучей звездой,
Чтоб вмиг у твоих оказаться дверей.

Зачем ты покинул родимый аул,
Кинжал на тебя ли точила вражда?
Иль сам ты на чью-нибудь жизнь посягнул?
Но я бы об этом узнала тогда.

А может, разлучница злая в питье
Подсыпала зелье такое тебе,
Чтоб ты позабыл даже имя мое
И сердцем к другой потянулся судьбе.

Навек мне запомнился вечер один:
Тропа изгибалась, как тело змеи,
Ты встретился мне и пригубил кувшин,
А после и губы пригубил мои.

Бывало, ты жарко когтишь мою грудь
И застишь, лежащий, луну в вышине,
И я умоляю тебя: «Не забудь,
Поклялся ты, милый, жениться на мне!»

Ужели всевышний избавит от мук
Того, кто другого на муки обрек?
Ты слово нарушил, изменчивый друг,
Любви преподав мне жестокий урок.

Не помню, в своем ли была я уме, —
Теряем мы разум, когда влюблены.
Чем я провинилась, поведай в письме,
Хоть, кажется, нету за мною вины.

Пришли телеграмму и в ней объясни,
За что я вдруг стала тебе не мила,
Иль яхонту тело мое не сродни,
Иль, как молоко, моя грудь не бела?

С тех пор, как узнала я имя звезды,

Что ярче всех прочих сверкает к утру⁷,
Влюбленное сердце не знает узды —
И всю лихорадит меня не к добру.

Сжимается сердце. Туманится взгляд,
Любовь превратилась в смертельный недуг.
Пусть девушки Цора⁸ тебе отомстят,
Когда попадешься в их сети, мой друг.

О, красное солнце над красной горой,
Что стали лучи твои так холодны?
Лишь ветер меня обжигает порой,
Когда из тифлисской летит стороны.

Ты в башне, чьи окна покрыты резьбой,
Хотя бы у джинна спроси обо мне.
Являются к спящим красотки гурьбой,
Ужель я к тебе не являюсь во сне?

Зачем отбивала тебя у подруг,
К проклятой любви попадая в полон?
Сомкнулся ее заколдованный круг,
И каждый мой вздох превращается в стон.

Бросается в дымную пропасть коза,
Когда изменяет ей горный козел.
Зачем я в твои посмотрела глаза,
Зачем ты меня до безумья довел?

Кобылка желаний неслась горячо.
Подтянуты нынче ее удила.
Когда б не надежда – вернешься еще, —
Разбилось бы сердце, что тоньше стекла.

Ужели позволишь погаснуть костру,
Красавец, не раз обнимавший мой стан?
Вернись поскорей, а не то я умру,
Разрушившись, будто бы Ануширван⁹.

Забуть ли: бывало, как птица легка,
Лечу за водой я, проснувшись едва,
Меня поджидаешь ты у родника,
От слов твоих кругом идет голова.

С водой возвращаюсь – не тяжело плечу,

⁷ Имеется в виду утренняя звезда – Венера.

⁸ Цор – аул, славившийся красивыми девушками.

⁹ Ануширван – название крепости.

Как будто несу не кувшин, а графин,
А нынче я ноги едва волочу,
Наполнив слезами узорный кувшин.

Бывало, со мной на свиданье когда
Тропинкой проторенной шел ты в ночи,
Сгорая от счастья, любви и стыда,
Я вся трепетала, как пламя свечи.

Тайком покидавшая отчий порог,
Заставила ждать ли тебя я хоть раз?
А нынче, закутавшись в черный платок,
Всю ночь не свожу с нашей улицы глаз.

Брильянтовый ключ, подошедший к замку
Закрытых создателем райских ворот,
Опять до рассвета я глаз не сомкну,
Тебя ожидая всю ночь напролет.

Со мной твое имя, забывчивый друг,
В чужие края повернувший коня,
Когда бы и шахом ты сделался вдруг,
То грех совершил бы, оставив меня.

Когда б неприступною, словно скала,
Дербентскою ханшею сделалась я,
То всем женихам бы отставку дала,
Тебя одного залучила в мужья.

Завидую нынче тем девушкам гор,
Любовь за которых платила калым.
И тем, чей недолго туманился взор,
Когда изменяли любимые им.

О милые сестры, хотя бы и день
Гореть моей страстью не дай вам господь.
Пусть лучше сердца превратятся в кремь
И каменной ваша останется плоть.

Уж в лампе иссяк керосина запас,
О сокол, и мой приближается срок!
Явись и, пока не закрыла я глаз,
Взглянуть на тебя дай последний разок.

Имя твое

Если имя твое
Даже шепотом произнесут,
Вздрагнет сердце мое
И невольно ускорит свой бег,
Оттого, что надежда
Дает моим думам приют,
Неразлучно с тобой
Я могу находиться весь век.

По всему моему
Небезгрешному телу давно
Растеклось твое имя,
И я не таю от людей,
Что по жилам моим
Растеклось, дорогое, оно,
Как по стеблям ромашек
Весенняя влага дождей.

Сахар сладок всегда.
Я слышал: удалось одному
Даже с малым кусочком
Большой осушить самовар,
Если сяду чаевничать,
Сахара в рот не возьму.
Для чего он мне нужен,
Когда твое имя Чакар¹⁰.

¹⁰ Чакар – по-аварски – сахар.

Подняться бы мне в гору

Отправившись в горы, увидеть бы мне
Павлина, унесшего долю мою,
Орла бы в хунзахской найти стороне,
Того, о ком слезы горячие лью.

Я всем облакам, что кочуют в горах,
Для друга любимого дам по письму.
О, ветер, летящий на крыльях в Хунзах,
Ты другу поклон передай моему.

Мне данного слова не смог он сдержать,
Поэтому слезы туманят мой взгляд,
Лишь стоит мне вспомнить его, как опять
Жемчужные плечи мои задрожат.

Откуда ты родом, неведомо мне,
Нарушивший клятву лихой муталим?
В насмешках тону по твоей лишь вине,
Доставил утеху ты сплетницам злым.

О, беркут, разбивший немало сердец,
Кого собираешься нынче когтить?
Где скачешь, не знавший узды жеребец,
Кому пожелал показать свою прыть?

На девушек красных охотясь давно,
Во скольких аулах вздыхал под луной?
Влечет тебя лишь сладострастье одно,
Со сколькими близок ты был, как со мной?

Туман по ущелью клубится – взгляни:
То ветер не вздохи мои ли принес?
На дождик взгляни – не ему ли сродни
Потоки моих нескончаемых слез?

Будь горлинкой я, отыскала б тотчас
То место, где беркут гнездится в горах,
А на плоскогорье я тысячу раз,
Чтоб друга найти, обошла бы Хунзах.

Мой род почитаем с древнейшего дня,
От века людьми уважаем окрест,
Но ты очернил его, бросив меня,
Лукавый жених из неведомых мест.

Провидец Иса¹¹, что из мертвых воскрес,
Не ты ль соблазнил меня, страстный пророк?
Хазри¹², не с тобой ли, избранник небес,
Я впала однажды в опасный порок?

Кто может в кремневке заметить изъян,
Которой коснулся туман¹³ золотой?
Тигрица порой попадает в капкан,
Порой спотыкается даже святой.

Не горец простой, а ученейший муж
В обман меня ввел, погубил мою честь.
Не только Коран, и Хадис¹⁴ он к тому ж,
Я знаю, сумел бы на память прочесть.

Уступит и сталь, если встретит она
С алмазным концом боевое копье.
Чугун уступает, а ты чугуна
Слабей, белоснежное тело мое.

Сразил мое сердце ученый жених
Не мудростью строгих божественных книг,
А тем, что из книжек он самых земных
Науку любви и соблазна постиг.

Хоть было мне больно порою до слез,
Терпела я муки, от ближних тая.
Орла, что любовь и страданья принес,
Подвергнуть боялась опасности я.

Хотела б я книжкой божественной стать,
Что издана в Мекке. Ведь мог бы тогда
Любимый меня на ладонях держать,
И я б никакого не знала стыда.

Касаткой мне быть бы! Клянусь, что в гнезде
Я глаз не смыкала бы ночи и дни
У входа в ту келью безмолвную, где
Находятся с милым лишь книги одни.

На кадия¹⁵ нынче не в силах смотреть,
Был кадий жесток с ненаглядным моим,
Теперь, когда сокол покинул мечеть,

¹¹ *Провидец Иса* – Иисус Христос.

¹² *Хазри* – пророк, который, по легенде, открыл воду бессмертия.

¹³ *Туман* – золотая монета.

¹⁴ *Хадис* – свод священных законов.

¹⁵ *Кадий* – духовное лицо.

Мне в ней ненавистен любой муталим.

О ветер, сорвавшийся с горных вершин,
Скажи, почему не остудишь меня?
Ответствуй, родник, что наполнил кувшин,
Зачем ты во мне не погасишь огня?

Ужели сура¹⁶ есть в Коране о том,
Что господом будет прощен муталим,
Коль я, восплаившая жарким огнем,
Погибну обманутой милым своим?

Моей красотой пленен Дагестан,
А мне от нее только горе одно.
Я гурия рая в глазах аульчан,
Не легче от этого мне все равно.

О конь необъезженный, как ты хорош!
Где топчешь теперь облюбленный луг?
О сокол, где нынче охоту ведешь,
Кому на перчатку садишься, мой друг?

¹⁶ Сура – глава Корана.

Шумайсат из Каха

Ужели ты, зная, как я одинок,
Пройдешь стороной, не взглянув на меня?
Ужели повесишь на сердце замок,
Послание страсти моей отстраня?

Бойтся признаньем бумагу прожечь
Перо, находясь в подчиненье души.
Давно моя грудь раскалилась, как печь.
Огонь, если можешь, ты в ней потуши.

Зачем же на пламя ты льешь керосин,
Жестокая, будто бы царский приказ?!
С ума по тебе я схожу не один,
Вздыхать ты заставила многих из нас.

Как всем правоверным, Аллах мне судья.
Став к югу лицом, начинаю намаз.
Но южной считаю ту сторону я,
В которой находишься ты в этот час.

Когда бы к дровам обратил я слова
С такой огнедышащей страстью в душе,
Уверен, что, будь хоть сырыми дрова,
Они превратились бы в пепел уже.

Когда бы скала, что как лед холодна,
Была мной воспета не меньше, чем ты,
Наверное, облаком стала б она,
Иль кинулась в пропасть с крутой высоты.

Любовь от тебя я пытался скрывать,
Но утро не скроешь за спинами туч,
Когда б на уста я поставил печать,
Дыханье любви растопило б сургуч.

Река прорывает плотину порой,
И каждый о том узнает человек.
Ты лучше преграды меж нами не строй,
Прославиться страсть моя может навек.

Зажгла ты в костях моих адский пожар,
Я муки такой не могу превозмочь.
Больных исцеляет лечебный отвар,
Свиданье влюбленному может помочь.

Ах, что ты за диво, коль звери и те,
Покорные, лижут следы твоих ног!
Глашатай не зря о твоей красоте
По царским войскам раструбил, словно в рог.

И слух о тебе обогнал, говорят,
Купцов, что в далекие ездят края,
И строки во славу твою, Шумайсат,
Прочел на воротах египетских я.

Наверное, изобретен телеграф
Затем, чтоб депеши во все города
О том, как божественна ты, передав,
Гудели над путниками провода.

Давно я к тебе направляю стопы,
Надежда мне посохом служит в пути.
Уж лучше мне в пропасть сорваться с тропы,
Чем, жизнь сохранив, до тебя не дойти.

«О яркая птичка, при встрече хоть раз...»

О яркая птичка, при встрече хоть раз
В объятья тебя заключить разреши.
Лишь стоит обнять мне тебя, как тотчас
Все тучи растают на склонах души.

Твоей красоты жесточайшую власть
И Кайс ощутил бы на месте моем.
Я Кайса слабей, и к тебе моя страсть
Подавно соперничать может с огнем.

Растаял на солнышке лед до конца,
Стал воском, кто кремнем считался досель
Меня променять стерегись на глупца,
А пуше того – с ним ложиться в постель.

Разговор влюбленных на свидании

Парень

Форму из золота сделав вначале,
Вылил фигуру твою ювелир.
Выслушай слово любви и печали,
Жемчуг, собою украсивший мир.

Жадным тебя я преследовал взором,
Но нерешительным был чересчур,
Глаз обладательница, по которым
Истосковался непонятый тур,

Станом черкесским сумела не ты ли
Шаха персидского очаровать?
Лечь и заснуть, как другие, – не в силе
Ночь под окном твоим встречу опять.

Выразить жест твой способен не меньше,
Чем на бумаге любые шрифты.
Замужем ты, но какая из женщин
Девичьи так сохранила черты?

Вот уж и лето достигло предела,
Травы поблекли, а ты среди гор,
Ставшая матерью, похорошела
Властному времени наперекор.

Счастье ты губишь, красавица, даром.
Сладко ль с оципаным жить петухом?
Если пчела насладилась нектаром,
Это не может считаться грехом.

Женщина

Ты не терзай меня, милый, не мучай,
И без того мне не сладко, поверь.
Бог не пожаловал долею лучшей,
И ничего не исправишь теперь.

Замуж пришлось мне идти против воли,
Коршун в полете голубку настиг.
Голову гордо державший давно ли,
Тонкий, под ветром согнулся тростник.

Разве тебе я, мой друг, изменила —

Знатный тухум¹⁷ мой во всем виноват.
Золотохвостая рыбка из Нила
В невод попалась, чье имя адат.

Пусть же мой род разорится за это,
Будет его мне нисколько не жаль.
Что ж опоздал ты, сплетенный из света,
Крепкий, как будто дамасская сталь?!

Ночью под буркой меня почему же
Ты не увез на излучке седла?
Дочери царской была я не хуже,
Выдали замуж меня за осла.

Даже небесная птица не смела
Нежным пушком прикасаться ко мне.
Грязью покрылось жемчужное тело.
Где пропал ты, в какой стороне?

Парень

Ах, куропатка, достойная Мекки,
Птичка, чей голос звенит бубенцом,
Зря ты себя обрекаешь навеки
Жить под единою крышей с глупцом.

Дам я совет: измени ты походку,
Принарядись – и тайком за порог.
Если и схватится муж твой за плетку,
Не пропадешь ты, спаси тебя бог.

Сердце мое обливается кровью,
Ты мне не меньше, чем жизнь, дорога,
И не оставлю, зажженный любовью,
Я у чужого тебя очага.

Нет в Дагестане такого аула,
Где б о твоей не слышали красе.
Знают о ней и в прядильнях Стамбула,
Люди тобой очарованы все.

В белых церквах не с тебя ли иконы
Русские пишут, любви не тая?
Вижу я золота слиток червонный,
Проба на нем, словно подпись твоя.

Как без тебя я в печали утешусь?
Вмиг воскресишь и умершего ты.

¹⁷ Тухум – род.

Девичья прелесть и девичья свежесть —
Лишь отражанье твоей красоты.

Женщина

Губы мои были персика слаще,
Словно в соку алычовом к тому ж.
Страшный, как филин, что ухает в чаще,
Их исцарапал усищами муж.

Грудь – две сахарных белых головки, —
В лапищах мужа не раз побывав,
Требуют нынче льняной упаковки,
Прежнюю форму свою потеряв.

Будто бы вата, что свернута туго,
Все белизной отливая, как рис,
Было и тело когда-то упруго,
Да изглодал по ночам его лис.

Парень

Как ни жестоки слова твои эти,
Чувствует сердце, что ты не права.
Может, с обиды – над ним, словно плети,
Горькие ты заносила слова.

От чистоты своей не отрекайся,
Телом похожая на молоко,
Первой красотке арабского Кайса,
Как до небес, до тебя далеко.

Так хороша ты, что кажется, право,
Сам Константин¹⁸ тебе только чета.
Время сильнее, чем царская слава,
Но не сильней, чем твоя красота.

Царская слава блеснет и померкнет,
А красота твоя не такова,
Мчится сквозь время и, будто бы беркут,
Всюду когтит она чудо-слова.

Не говори мне, что пыл мой напрасен,
Строит надежда над бездною мост,
Жизнь положить за тебя я согласен,
Слышишь ли это, соперница звезд?

¹⁸ *Константин* – римский император, основавший Константинополь.

Араканинка

Влюбился, но слово робел я сказать,
Тебе о любви своей слово сказать,
О страсти моей, что под стать лишь огню,
Не смел и записки любовной послать.

Ты – словно загадка. Нет сил у меня.
Любви лихорадка сжигает меня,
Мне горько и сладко, повсюду тобой
Расставлена мыслям моим западня.

Ах, лучше бы ты не являлась в Чалда!
Ах, что со мной случилось в ауле Чалда!
Прошла ты пред бедным жилищем моим,
И весь я, казалось, растаял тогда.

Ах, каракульчовый ягненок степей,
Медовых, шелковых ногайских степей.
В наряде кумыкском, араканинка,
Блестаешь ты вся до янтарных ступней.

Гуляешь, накинув ты черную шаль,
С каймой золотою узорную шаль.
Тобой, непокорною, я покорен,
И сердце мое разрывает печаль.

Не сердце в груди у меня, а костер,
И день ото дня все безумней костер.
И вмиг примерзает мой к небу язык,
Когда на меня обращаешь ты взор.

Ты – кровь с молоком. Льется свет с твоих щек,
Подобных еще я не видывал щек.
И каждую бровь, как арабское «н»,
Не тушью ли вывел на лбу твоём Бог?

Начало всего совершенного – ты,
Начало всего сокровенного – ты,
И составлять преспокойно в горах
Ты из поклонников можешь гурты.

Сильна на Кавказе любви моей власть,
Не даст тебя сглазить любви моей власть,
На схожее с яхонтом тело твоё
Пылинка и та не посмеет упасть.

Аллах пожелал, чтобы мир отражен
Был, как в зеркалах, весь в тебе отражен.
И тонок твой нос, как дамасская сталь,
И статью черкесской твой стан наделен.

Голубкам попасть было в сеть суждено,
Когда б моя власть, – было б им суждено
Летать на свободе и ночи и дни,
Голубкам сродни твои груди давно.

А плавность походки... Идешь по тропе,
Как будто плывешь – не идешь по тропе.
Не так ли в пунцовых чарыках своих
Плывет куропатка по мягкой траве?

На улицу вышла, и серьги опять
Чуть слышно позванивать стали опять.
И за одно твое личико только
Красотку иную всю можно отдать.

Обнявший тебя не умрет человек,
Бессмертье такой обретет человек,
А тот, кому руку подашь ты хоть раз —
Не дважды ли юность познает за век?

Лихих кобылиц покупают князя,
Но падают ниц пред тобою князя,
Ты в плен генералов без боя берешь,
Хоть в плен генералам сдаваться нельзя.

В тебе воплотилась краса наших гор,
Краса и вершин и озер наших гор.
Ни у черкесов я, ни у кумыков
Красавиц таких не встречал до сих пор.

Что скажешь – слова переймет не одна
Невеста, вдова и жена не одна.
Твой нрав и походку спешит перенять
Любая невеста, вдова и жена.

Природа, твои создавая черты,
Восхода в тебе воплотила черты.
Идешь ты, и тень не бежит в стороне,
И лампой зажженной ты кажешься мне.

Волшебный павлин на вершине холма,
Гляжу не один на вершину холма,
Волшебным павлином ты кажешься мне,
И я не один от тебя без ума.

Луч света, в мое заглянувший окно,
О, где ты, в мое заглянувший окно?
Пусть даже не мне суждено с тобой быть,
Не сетую я на судьбу все равно.

Страдать по тебе я готов хоть года,
Опять и опять вспоминать хоть года,
А тот, кто несчастным меня назовет,
Не сможет сгореть от любви никогда.

Склони свою голову мне на плечо ты

Я весь раскален от любовного жара,
Плесни на меня ты водою хотя бы,
Хрустальный графин из сокровищ сардара,
Стоящий высоко на кровле Каабы¹⁹.

Не зеркало ль ты, что купили в Багдаде,
Чиста и сиятельна на загляденье?
Быть может, ослеп я и, в зеркало глядя,
Ищу в нем напрасно свое отраженье?

Как будто попал я в пучину морскую,
Судьба угрожает мне гибелью скорой,
Заоблачной сини покинув вершину,
Спустись ко мне горлинкою златоперой,

Ищу я в тебе состраданья напрасно,
Ложиться живым мне в могилу придется,
Безумная страсть удилам не подвластна,
Нельзя осадить ее, как иноходца.

Тобой, Халимат, очарованный аист
Не раз опускался на горные скаты,
Красавицам первым и птицам на зависть,
Наверное, в небе была рождена ты.

Скачу на коне я по горным вершинам,
И, сердце мое разрывая безбожно,
Плывешь ты вблизи лучезарным павлином,
Но так высоко, что достать невозможно.

Из райского озера, став куропаткой,
Не ты ли воды напилась под горою,
А после украдкой до устали сладкой
С другим обнималась вечерней порою?

Посланье, написанное Сулейманом,
Не ты ли несешь в своем клюве с востока?
Голубка, поднявшаяся над туманом,
Готов я похитить тебя у пророка.

Отдам я ружье с кубачинской насечкой,
Отдам и коня боевого в придачу,
Чтоб только владеть златорунной овечкой,

¹⁹ *Кааба* – мечеть в Мекке, объект паломничества мусульман.

Пошли мне, всевышний, такую удачу!

Влюбился отважный Карам, и повсюду
История эта Востоку известна,
Но кто о любви моей горскому люду
С такой быстротой рассказал повсеместно?

Меня, что святым поклоняется книгам,
Ты знаком земного вниманья порадуй,
Всех больше из девушек схожая ликом
С красавицей дивною Шехерезадой.

Зачем обрекаешь меня на страданье,
Пред коим ничтожны мученья любые?
Единственный раз хоть приди на свиданье,
Скажу тебе тысячу слов о любви я.

На сердце лежит стопудовая гиря.
Самим падишахом поклясться могу я,
Что в жены не взял бы и дочку визиря,
В объятьях держать не желаю другую.

Не взял бы я в жены и гурию рая,
Хоть сам Константин попросил бы об этом,
Тебя не заменит красotka вторая,
Готов опечалить царя я ответом.

В саду моих чайний, певчая птица,
Давно ты гнездишься и в зной и в морозы,
И, если придется тебя мне лишиться,
Из глаз моих хлынут кровавые слезы.

О, пестрый козленок, пришедший со мною
В цветник, удостоенный благословенья.
Готов оплатить я любую цену
Хотя бы одно к тебе прикосновенье.

Белкис²⁰, чья краса до сих пор не померкла,
Когда б тебе вызов послала законный,
Хоть многих соперниц в бесславье повергла,
Сама оказалась бы вдруг побежденной.

В роду Курайши²¹ раскрасавиц немало,
И если бы, вызов их гордый уважа,
Ты с ними красой состязаться бы стала,
Весов в твою пользу склонилась бы чаша.

²⁰ *Белкис* – видимо, красавица из любовных арабских легенд.

²¹ *Курайши* – могущественный род арабов.

Клянусь я, не смогут, усиля напрягши,
Твой нрав разгадать даже сорок ученых,
Средь девушек ты выделяешься так же,
Как на поле мак средь травинки зеленых.

Ты взглядом одним, луноликая, в силе
Зажечь даже камень в январскую стужу.
Когда б тебя в комнате темной закрыли,
То свет из окошка бы хлынул наружу.

И если б ты вышла на улицу ночью,
Растаяла б темень на улице сразу,
В чем сам муэдзин, убедившись ночью,
Призвал бы людей правоверных к намазу.

Всем девочкам зрелость, обычное дело,
Со временем к сроку дарует природа,
А ты, как весна, родилась и сумела
Достичь совершенства в течение года.

Понять, что красавицей девочка будет,
Уже на девятом году ее можно.
Когда еще грудь ты сосала, то людям
Красу твою было предвидеть не сложно.

Ужели росла на земле ты, красотка?
Гляжу на тебя, и не верится, право,
Откуда же эта лебяжья походка
И стройность такая, как будто ты пава?

Стирая границу меж словом и чувством,
Меджнун добивался успеха большого,
Вполне ты его овладела искусством —
И власть над людьми обрело твое слово.

Я стер очертание капли чернильной,
Но все же в ущербе осталась бумага.
Чужую ошибку предвидеть бессильный,
Молю: стерегись неразумного шага.

Смотри, чтоб избранник твой не был, красотка,
Похож на быка с переломанным рогом,
Ущербна для жизни такая находка,
Она сожалеть заставляет о многом.

Знакомы скоты мне, что жаждут в объятья
Тебя заключить для утех мимолетных.
Ты – камень священный, и вызов послать я

Не дрогну любому из этих животных.

Английских кровей не тобой ли жереба
Была своенравная, злая кобыла?
Иль кроткая лань ты, по милости неба,
Которую женщина грудью кормила?

Скажи, Халимат, бесподобные эти
Черты у тебя появились откуда?
Просил ли отец твой в аульской мечети
Послать ему свыше не дочку, а чудо?

Кому удавалось и в каком-то веке
Разбитое сердце собрать по кусочку?
Какой правоверной, хоть будь она в Мекке,
Родить удавалось подобную дочку?

Не каждый ли зуб твой подобен алмазу?
В окошко с улыбкой ты глянешь – и снова
Движенье луны остановится сразу
И вымолвить я не смогу даже слова.

Известно в ауле: прозрень незрячим
Способен твой взгляд возвращать, но при этом,
Как небо полуденным солнцем горячим,
Всех зрячих слепит он зимою и летом.

Но если еще ты блистательней станешь,
А клонится к этому дело, похоже,
Боюсь я, что скоро во всем Дагестане
Погибнут мужчины и женщины тоже.

Согласен: пусть будет семижды мне плохо
На небе седьмом, лишь бы здесь, дорогая,
Счастливым я был до последнего вдоха,
Стихи о любви нашей пылкой слагая.

Былые удачи, былые просчеты
Сочту я дождем, упавшею в реку.
Склони свою голову мне на плечо ты,
Блаженство любви подари человеку!

Сайгидул Батала

Изображенье креста на печати,
Дождем ли, слезами ли адрес размыт,
В черном конверте, придя на закате,
В хунзахской конторе посланье лежит.

Царское войско сражается где-то;
Не с края ли света пришла эта весть?
Легко ль из пакета черного цвета
Вынуть письмо это, чтобы прочесть?

Горькой росой обливаются травы,
Затянут клубящейся мглой небосклон.
Хмурое утро настало, и в траур
Почтовый чиновник уже облачен.

Гибель героя от вражеской пули
Во сне даже странным виденьем была.
Не верилось людям в горском ауле,
Что скошен в бою Сайгидул Батала.

Горе на сердце отцовское пало,
Что камень сорвался с высокой скалы,
Замерло сердце, но все ж устояло,
Стальным было сердце у Шапиулы.

Весть получивший о гибели сына,
Впервые седой головой он поник,
Но, как настоящий горский мужчина,
Все ж не проронил и слезинки старик.

Люди узнали, что смертью героической
В Китае погиб Сайгидул Батала
Был храбрым, как тигр, юноша горский
В солдаты Россия его призвала.

Встретясь с японцами на поле битвы,
Он в храбрости не уступал никому.
Не будем читать по герою молитвы
И слезы горячие лить по нему.

В дыму поднималось кровавое солнце,
Оплакали тучи солдат без числа.
Не одного положил там японца
Сорвиголова Сайгидул Батала.

Смело на скалы влезал он когда-то,
Отчаянным сердцем с орлами паря,
И неженатым забрит был в солдаты,
Обрушатся беды пускай на царя.

Сабля дамасская, лихо и властно
Не вырвет тебя из ножен Батала.
Ржешь ты, скакун карабахский, напрасно.
Тебе не носить молодого орла.

Ах, до чего ж он красив был и строен,
Душа разудала и совесть чиста.
Кто-нибудь сглазил, наверно, героя,
Когда покидал он родные места.

Повесьте на небе с месяцем вровень
Ту саблю, что он из ножен вынимал.
Как не беречь пуще царских сокровищ
Его казанищенский острый кинжал.

Слышится конское ржанье ночами,
Привычно скакун высекает огонь,
И шапки снимают однополчане:
Мчится вблизи нерасседланный конь.

В аул переслали матери старой
Кресты боевые, что сын заслужил.
Ходят по землям китайским хабары²²
Про то, каким храбрым джигит этот был.

К бою коней еще только седлают,
А он уже шпоры дает скакуну,
К бою клинки из ножен вынимают,
А он уже срезал башку не одну.

Пусть государю под сводом дворцовым
Вручат окровавленный горский башлык,
Чтоб в Петербурге пред взором царевым
Отважный кавказец мгновенно возник.

На поле брани, где счет уже ранам
Потерян давно, потому что велик,
Может войскам послужить талисманом
Солдата лихого аварский башлык.

Молвил пред боем он, саблю целуя:
«Иль крест заслужу, иль, была не была,

²² Хабар, хабары – слухи, новости.

Сам потеряю башку удалую».
 Был первым в бою Сайгидул Батала.

В круг вылетает и кружится быстро
 Танцор, когда грянет лезгинку зурнач,
 Так Батала откликнулся на выстрел,
 Кидаясь в атаку, удал и горяч.

Храбрый солдат не христьянской был веры,
 И, хоть отличался в сражениях он,
 Не произвел его царь в офицеры,
 Герой не носил офицерских погон.

Все предначертано высшей судьбою,
 Но для правоверного – смерти любой
 Смерть предпочтительна на поле боя:
 И счастлив, кто первым кидается в бой.

Рухнул в сражении сокол бесстрашный,
 Убит от родного аула вдали.
 Рядом, сраженные им в рукопашной,
 Три желтых японца костями полегли.

Кажется странным поросли юной,
 Что мертвым упал он за дальней верстой,
 Простреленный некогда пулей чугунной;
 Как мог погибнуть от пули простой.

Кто известит дагестанца сегодня,
 Что прибыл приказ возвращаться войскам.
 Все лошадей продают в его сотне,
 Не с кем ударить ему по рукам.

Отчей ему не пройти стороною,
 В тесном кругу не сидеть у стола.
 Стоит глаза мне закрыть – предо мною
 Встает, как живой, Сайгидул Батала.

Пусть в Чан Чан-зе ему будет наградой
 Надгробье, отлитое из чугуна,
 Пусть обнесут золотою оградой
 Обитель его беспробудного сна.

Заточенная в башне

Прими и прочти
Эти строки мои,
Они как над бурною
Речкой мостки.
Я их написал
Под диктовку любви
Чернилами цвета
Сердечной тоски.

Вино не спасает
От грусти меня,
Бессилен утешить
Заботливый друг.
И лекарь не может
Умерить огня,
Чей жар я ношу,
Как смертельный недуг.

Кто слышал пророка,
Тот будет весь век
Слова его помнить,
Сомнения нет.
А если увидел
Тебя человек,
Не сможет забыть
До скончания лет.

Шуринская тройка²³
Летит по горам,
Заливист ее
Колокольчика звон.
А может,
Когда приближался байрам²⁴
Тобой обернулся,
Серебряный, он.

Отец твой владеет
Отменным конем.
Когда бы имел
Я такого коня,
Увез бы тебя,
Как абрек, я на нем

²³ *Шуринская тройка* – Темирханшуринская, Темир-хан-Шура – бывшая столица Дагестана.

²⁴ *Байрам* – мусульманский праздник.

Средь полночи черной
Иль белого дня.

Кудахчет мамаша твоя
По дворам:
Закрыта, мол, дверь
Перед ним на засов,
Мол, нет ему доступа
К божьим дарам,
Мол, не заведет он
Поющих часов.

Хоть даже имей я
Наместника чин,
Займи хоть я даже
Российский престол,
Забуть о тебе
И на миг бы один
Не смог я в дороге,
Куда бы ни шел.

Надменным твоим
Я не нравлюсь родным,
Ответят отказом мне,
Наверняка,
Хоть самого
Белобородого к ним
Я в качестве свата
Пошлю старика.

Но если женою
Другого в горах
Ты станешь,
Судьбе подчиняясь земной,
Пусть ангела смерти
Немедля Аллах
На грешную землю
Отправит за мной.

Покину я мир,
И людская молва
О том разнесется
В нагорном краю.
Умру, но заставлю
Гнездиться сперва
В груди у соперника
Пулю мою.

Ответ девушки:

Хоть в башню меня
Заточила родня
И птицы завидно
Парят за окном,
Средь полночи черной,
Средь белого дня
Все думы мои
О тебе лишь одном.

Наводишь на башню
Ты зеркальце вновь,
И лучик надежды
Влетает ко мне,
Он, теплый, как будто бы
Весть про любовь,
Горит на холодной
И темной стене.

Лишь тело сумели
Мое заточить,
А сердце – на воле.
И Бога давно
Молю воедино
Я соединить
И сердце и тело
С тобой заодно.

Бигун

Ты ночью во время
Черной поры —
Светильник эмалевый

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.